



От поддержки христиан к мировой революции: ассирийский вопрос в политике Российской империи и СССР

А. О. Победоносцева-Кая

Данная работа посвящена анализу развития политики Российской империи и СССР по отношению к ассирийскому населению Ближнего Востока до и после Первой мировой войны. Ближневосточная политика царского правительства и сделанная им ставка на христианские меньшинства Османской империи была связана с гораздо менее масштабной поддержкой социокультурного строительства самих ассирийцев, нежели советская политика, основанная на идеях экспорта революции. При этом поддержка культурного развития ассирийцев в СССР, в том числе соответствующие исследования, были тесно связаны с антирелигиозной пропагандой. Репрессии 1930-х гг., затронувшие и ассирийцев, завершили период интенсивного изучения многих народов СССР и повлияли на процессы их культурного развития. Цель данной работы – показать на примере ассирийцев переход от религиозной модели, существующей в Российской империи и на основе которой строились межконфессиональные отношения, к национальной модели, принятой в СССР в 1920–1930-х гг. Эти модели рассмотрены на фоне основных событий ассирийской истории XIX–XX вв. Данное исследование подготовлено на основе анализа исторических источников, которые сохранились в архивах, мемуарах и травелогах.

Ключевые слова: ассирийцы, курды, миссионеры, Османская империя, Персия, Российская империя, Советский Союз, национально-культурное строительство, репрессии.

Для цитирования: Победоносцева-Кая А. О. От поддержки христиан к мировой революции: ассирийский вопрос в политике Российской империи и СССР // История повседневности. 2022. № 4. С. 99–117. DOI 10.35231/25422375_2022_4_99

Введение

Ассирийцы (айсоры, несториане, халдеи; самоназвание – ашшурраи, атураи, сураи), как наследники Ассирии – одного из величайших государств древности, даже став меньшинством, играли заметную роль в истории Ближнего Востока последних столетий. Следует отметить, что во время монгольских завоеваний ассирийское население Ближнего Востока раскололось на три группы: первая мигрировала в Индию, вторая – на Кипр, а наиболее многочисленная третья – в горы Курдистана. В XV–XVI вв. произошел еще раскол среди кипрских ассирийцев-несториан, часть из которых приняла римскую унию и стала называться ассиро-халдеями, а остальные остались несторианцами и обосновались в Ванском вилайете Османской империи [1, с. 8].

Несторианская церковь Востока оказалась сосредоточена почти исключительно в среде ассирийского народа в северных горных областях на территории Персидской и Османской империй. В российском Закавказье ассирийцы появились в первой половине XIX в.: в Азербайджан и Армению они переселились из Урмийского округа Персии по окончании русско-персидской войны 1826–1828 гг. [2, с. 150].

В XIX в. деятельность европейских, американских и российских миссионеров меняла шаткую конструкцию межконфессионального равновесия в регионе. Боязнь тотальной христианизации приводила к курдским погромам ассирийских селений и переселению ассирийцев в безопасные локации. После Первой мировой войны, в которой погибло около 270 тыс. ассирийцев, основные их группы осели в Ираке, где помимо местных ассирийцев проживало около 40 тыс. ассирийских беженцев, 20 тыс. – в США, 15 тыс. – в Персии, 50 тыс. – в СССР [3, с. 64]. Такая фрагментация ассирийского общества усложняла и препятствовала развитию как собственно ассирийских политических движений, так и связанных с ними политических проектов внешних игроков, в том числе России.

Исследование ассирийских общин в СССР, России и СНГ, их истории, которая остается малоизученной, ведется силами энтузиастов-исследователей преимущественно из самой ассирийской среды. В 1960–1970 гг. это были исследования по истории культуры и языка ассирийцев нового и новейшего времени [4–6].

Новый период в отечественных ассирийских исследованиях наступил в 1990-е гг., сохранив и продолжив тенденцию авторов-ассирийцев, сделавших акцент в своих исследованиях, в том числе диссертационных, на ассирийцев России [7–8]. Та же картина наблюдается в работах 2000–2020 гг., авторы которых затрагивают такие темы, как ассирийские воинские подразделения времен Первой мировой войны, ассирийские городские общины в 1920–1930 гг., ассирийские культурные традиции [9–12].

За рубежом издается немало исследований по ассирийской истории [см. 13–16], но российская тематика в этих работах ограничивается преимущественно XIX в. и периодом Первой мировой войны. Большинство работ по ассирийской политике до и после Первой мировой войны фокусируются на конкретном периоде и конкретном регионе, а потому не показывают проблемность перехода от имперской к советской эпохе и то, как это соотносилось с общей линией российской/советской политики в соответствующей области. В данном исследовании, в соответствии с концепциями Дж. Кадио [17], Т. Мартина [18], Ф. Хирш [19], рассматривается вопрос преемственности политических проектов в этих идеологически разнородных государственных структурах на примере политики в отношении ассирийцев.

Большевики хотели не только установить контроль над всеми народами бывшей Российской империи, но и стремились включить эти народы в революционный процесс и обеспечить их активное участие в великом социалистическом эксперименте [19, р. 5]. Таким образом, предстояло деполитизировать национальные культуры нерусских народов путем проявления показного, нарочитого уважения к ним [18, р. 13], а затем дожидаться национальной консолидации и слияния народов, под которыми подразумевалась ассимиляция, поощряемая режимом [17, с. 244].

Особое внимание при этом уделялось этническим группам, проживавшим и на территории СССР, и за рубежом. В ряде случаев (в частности, ассирийцев) это означало де-факто продолжение поддержки культурных и политических проектов тех же самых народов, что и до революции.

Данное исследование основывается на анализе архивных источников, мемуаров и травелогов. Среди них – неопублико-

ванные архивные материалы из Российского государственного исторического архива (РГИА), материалы которого касаются деятельности православной церкви среди айсоров-несториан, и центральных архивов Санкт-Петербурга (ЦГА СПб, ЦГАКФФД СПб, ЦГАЛИ СПб), материалы которых относятся к 1930-м гг. и представляют собой переписку, приказы и прения в различных учреждениях на предмет культурного строительства среди ассирийцев. Также использован сборник опубликованных документов по истории грузино-курдско-ассирийско-русских взаимоотношений [20].

Вторая группа материалов, использованных в данном исследовании, состоит из путевых заметок и мемуаров миссионеров, дипломатов и специалистов различного профиля, посетивших места проживания ассирийцев и описавших их в контексте этнического и конфессионального многообразия региона [21].

В эту группу следует добавить крайне малочисленные мемуары самих ассирийцев, которые смогли либо самостоятельно [22], либо при помощи других авторов зафиксировать свои воспоминания [23–24]. Эти источники позволяют восстановить картину взаимоотношений ассирийцев с другими народами региона (арабами, турками, курдами, армянами и т. д.).

Важную роль в анализе сыграли комплексные монографии, посвященные как непосредственно ассирийскому вопросу, так и упоминанию ассирийцев в региональном контексте [25–27]. Так как территория проживания ассирийцев была расположена в непосредственной близости с расселением таких народов Месопотамии и Передней Азии, как курды, армяне, евреи и т. д., то на примере контактов с соседями можно получить важные детали ассирийской социальной и политической истории.

Результаты

К началу XIX в. ближневосточные ассирийцы проживали в Османской империи (от Амадии до Вана) и Персии (в Урмии и в ее окрестностях – высокогорьях Тергевере, Мергевере и Барандуза южнее Урмии и в Мараге на восточном берегу озера Урмия), соседствуя с более многочисленным курдским населением, а также с армянами, евреями и др. и обладая общи-

ми региональными бытовыми и литературными традициями и даже внешним обликом [24, р. 21, 94].

По своей социальной структуре ассирийцы были представлены членами племен-аширетов [15, р. 102] и крестьянами-райятами. Племенная структура ассирийцев напоминала курдскую: ассирийские аширеты проживали в горных районах вблизи османо-персидской границы, каждое из которых управлялось вождем-малеком. Что касается райят, то они были значительно зависимы и от османского правительства, и от местных курдских вождей.

Духовным главой ассирийцев был патриарх из рода Мар Шимун, резиденцией которого до 1848 г. было с. Кучанис, а затем Мосул [28, с. 4] и Урмия.

В «Описании соседних с Грузии стран и народов», составленном грузинским царем Ираклием для передачи графу Н. И. Панину, сообщалось, что ассирийцы в 1760-х гг. искали помощи и покровительства у могущественных соседних держав против Персии и Турции [20, с. 18]. До 1830–1840-х гг., пока к ассирийцам не проявили интерес английские и американские миссионеры, обосновавшиеся в Мосуле, их сосуществование с соседними нехристианскими народами проходило в форме малоконфликтного и даже мирного взаимодействия [29, с. XLVIII]. Например, известный курдский лидер Бадрхан-бек, правитель полунезависимого от османских властей Бохтанского эмирата, обладал значительным авторитетом не только среди феодальной курдской знати и простолюдов, но и пользовался поддержкой ассирийцев и армян.

Тем не менее именно во время правления Бадрхана при непосредственном участии английских и американских миссионеров, прибывших еще в конце 30-х гг. XIX в. в Мосул с целью обращения в протестантство местных ассирийцев-несториан вспыхнул межконфессиональный конфликт, повлекший за собой вмешательство иностранных держав. Накануне очередного этапа активизации миссионерской деятельности [30, с. 88] среди курдского населения пошли слухи, что иностранцы планируют обращать в христианство и мусульман. Жившие до сей поры в относительном мире с ассирийцами курды стали относиться ко всем христианам с определенной настроенностью и враждебностью.

Активное участие миссионеров в политической жизни Курдистана и других областей Турции и Персии неоднократно предоставляло европейским державам удобные предлоги для нажима на правящие круги этих стран. Миссионеры переводили турецких христиан из одной церкви в другую, отказавшись от распространения проповеди среди мусульманских народностей Турции [31, с. 43–44].

Ассирийцы-несториане заинтересовались возможностью воспользоваться покровительством православной церкви еще в конце XVIII в., когда обращались с этой целью к грузинскому царю Ираклию [32, с. 101–102; 20 с. 18]. Когда же Россия, присоединив Грузию, вплотную приблизилась к местам проживания ассирийцев, они отнеслись к этим изменениям весьма положительно. Русская церковь почиталась единой, и вступление под покровительство России было востребовано [8, с. 76]. Новая волна заинтересованности ассирийцев в присоединении к православию и Русской церкви поднимается в первой трети XIX в. [32, с. 101–102], когда после русско-турецкой войны 1828–1829 гг. около ста несторианских семейств переселилось из окрестностей Урмии в российское Закавказье вблизи Эривани, способствуя христианизации этих районов. Ассирийцы разместились в селениях Куйласар, Дуйюн и Гкёли, а впоследствии даже перешли в православие [33, с. 815].

Ассирийско-русские отношения XIX в. были по большей части односторонними. Как пишет М. И. Венюков, судьба переднеазиатских христиан мало интересовала русскую дипломатию, и лишь немногие из русских ученых и путешественников проявляли к ним интерес. Для Российской империи на тот момент ассирийского вопроса не существовало, несмотря на повышенный интерес к ассирийцам со стороны католических и протестантских миссионеров, действия которых рассматривались российскими властями как враждебные [25, с. 265].

Именно деятельность миссионеров в середине XIX в., вызвавшая курдскую реакцию и порой насилие, привела к очередной активизации контактов между ассирийцами и российскими представителями. Посланный Святейшим синодом архимандрит Софония в 1861 г. долго проживал у персидской границы в Эриванской губернии, изучая вероучение и цер-

ковный быт ассирийцев-несториан и поддерживая постоянный контакт с резиденцией ассирийского патриарха в Урмии [32, с. 101–102].

Но организация Русской православной миссии затянулась на 40 лет, с одной стороны, из-за враждебных настроений Персии, а с другой – из-за интриг других духовных миссий, обладавших большими средствами и противившихся усилению влияния России на Востоке [32, с. 66–67]. Общая напряженная обстановка в регионе привела к очередной волне миграций ассирийцев в Закавказье в последующие русско-турецкие войны 1853–1856 гг. и 1877–1878 гг. В этих войнах на стороне России действовали различные этнические боевые подразделения, в числе которых в 1877–1878 гг. был и ассирийский отряд [7, с. 100].

Ассирийские епископы приезжали в Россию с просьбами принять их в православие [32, с. 101–102]. Этот вопрос затрагивался в переписке экзарха Грузии Павла и К. П. Победоносцева в 1882–1891 гг. [34, л. 13–18; 35], но официально присоединение к православию состоялось лишь 25 марта 1898 г. в Александро-Невской лавре в Петербурге [36, с. 297–298]. В том же году была учреждена православная миссия в Урмии и 20 тыс. ассирийцев-несториан во главе с епископом Мар-Ионой Супурганским в течение последующих двух лет были присоединены к православной церкви [37, р. 12]. Персидский шах подарил миссии около 3000 квадратных сажень (т. е. около 13 656 м²) земли, что способствовало росту ее престижа среди местного населения [32, с. 66–67].

Члены Российского синода и обер-прокурор в тот момент не до конца понимали всей сложности и деликатности предстоящей деятельности этой миссии. В этом впоследствии признавался обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев [8, с. 80–81]. На фоне других миссий в Урмии российская сильно проигрывала и не имела возможности особо опекачать ассирийцев, что приводило к печальным последствиям в той же Урмии во время Первой мировой войны [23, с. 119].

В Первую мировую войну в столкновении с Османской империей Российская империя опиралась на поддержку не только армянского населения, но и ассирийцев [5, с. 77]. В отличие от ассирийских частей, действующих во время войны на сто-

роне России [12], у британской колониальной администрации на Ближнем Востоке получилось не только сформировать ассирийские отряды на время войны, но и поддерживать в дальнейшем такую коллаборацию на долгосрочной и последовательной основе. Например, британцы использовали ассирийцев в качестве вспомогательных войск против курдов или в охране аэродромов в Ираке до начала свертывания британского присутствия в этой стране в 1930-х гг. [38, с. 116–117].

После Первой мировой войны и революционных событий правительство Советской России начало продвигать свою политику в отношении стран и народов Востока в контексте нового подхода, направленного на его революционизацию. Советская политика была ориентирована на систематическое развитие характерной национальной идентичности и национального самосознания нерусских народов СССР. Так же, как и курды, ассирийцы, численность которых в СССР к 1920 гг. составляла порядка 50 тыс. чел. [7, с. 101], были официально причислены к культурно отсталым нацменьшинствам Советской России [18, р. 167], а потому воспринимались как объект для реализации идеи формирования «нового человека».

Малочисленность ассирийской общины в СССР не позволяла им претендовать на создание автономных административных единиц подобно более многочисленным народам. Но малочисленные или же рассеянные по значительной территории народы имели возможность создавать свои «этнические» артели, совхозы или колхозы. Так, в 1923 г. в Москве существовала только одна организация – ассирийский объединенный кооператив – со специализацией по изготовлению одежды [39, с. 197; 40, с. 204].

К 1925 г., согласно записке представителя ассирийцев Мурад-Хана Ваграма¹, ассирийцы населяли многие крупные города (Москву, Ленинград, Ростов-на-Дону, Краснодар, Киев и др.), но проще было тем ассирийцам, которые проживали в Грузии, Армении и на юге России: климат и природные условия позволяли заниматься знакомым земледелием. А в Москве и Ленинграде они нашли свою нишу – чистку и ремонт обуви [41, с. 17; 12].

¹ Зубкова Е., Эдельман О. Переселение ассирийцев // История и современность: документы прошлого / ред. и ведущий В. Толыз. – Радио Свобода, 08.10.2005. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/126884.html> (дата обращения: 14.08.2022).

И. Зая писал, что «ассирийцы привлекали к себе внимание советских органов... будучи малограмотным народом, слабо поддающимся советской агитации», а потому «нуждающимся в скорейшем вовлечении в советскую общественную жизнь». Для тех же целей служил Всероссийский союз ассирийцев «Хаядта» (1924–1937), санкционированный НКВД¹. Для советского государства создание такой структуры означало возможность не только работы среди советских ассирийцев, но и выхода на сотрудничество с куда более влиятельными и многочисленными ассирийскими общинами, прежде всего на Ближнем Востоке.

Союз ассирийцев в 1928 г. имел целью культурно-просветительную работу среди своих членов и экономическое улучшение их быта. Число его членов составляло 490 чел. Председателем был Самсон Ноевич Пираев, секретарь и заведующий культурной работой – Шлимун Ильич Бит-Лазарь. Союзу принадлежал кооператив – транспортно-упаковочная контора [42, с. 211, 237]. «Хаядта» содействовал занятости и трудоустройству соплеменников. Была организована электромеханическая мастерская, выпускающая части сельфакторных машин для текстильного производства, реостаты и др., а также проводящая ремонтные работы, и артель «Утильрезина», в работе которой было задействовано свыше 250 чел. [3, с. 64].

Для успешного осуществления ликвидации неграмотности нацменьшинств работа велась по двум линиям: по набору учащихся и подбору преподавателей и добровольцев-культурмейцев. Организация работы по ликбезу среди рабочих из нацменьшинств обычно проходила на предприятиях, где они работали, в ближайшей школе, клубе и т. д. Для ассирийцев кружки ликбеза были организованы в ассирийском нацклубе [43, с. 23] при Союзе ассирийцев [44, с. 71]. Проблему массовой грамотности пытались решать в рамках общей для всего Советского Союза политики латинизации [45] в противовес кириллице, которая была тесно связана с православной миссионерской деятельностью и русской колонизацией [18, с. 185–186].

Тем не менее ассирийцы, как ряд других народов, проживавших в русскоязычной среде, придерживались практической

¹ Зая И. Ю. Ассирийцы России: демографические и этнокультурные характеристики (вторая четверть XIX – конец XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: спец. 07.00.07 / МГУ им. М.В.Ломоносова. М., 1997. С. 7, 18.

идеи своего алфавита на основе русской графики. Эта идея была отражена в проекте, утвержденном Союзом ассирийских граждан [46, с. 302–306], но в 1930 г. ассирийский алфавит на латинской основе был введен для 15,5 тыс. ассирийцев РСФСР [47, с. 160]. На тот период в СССР могло проживать около 50 тыс. ассирийцев, но так как многие из них оставались гражданами Турции или Персии, официальная статистика их не учитывала.

В период с 1919 по 1939 гг. было выпущено несколько сотен изданий на ассирийском языке, включая переводы произведений русских и советских писателей [7, с. 102]. Чтобы понять сложность советской политики в отношении различных народов Ближнего Востока, следует сравнить эту цифру с числом публикаций на курдском языке – 178 изданий в 1921–1938 гг. [48, с. 51]. Иными словами, советскому государству удавалось больше в работе со значительно более малочисленными ассирийцами.

Тем не менее в соответствующих советских учреждениях вроде Учпедгиза не стихали нарекания на «низкий культурный уровень национальных работников», от чего страдали и ассирийцы, что выливалось в нехватку и текучесть кадров, а следовательно, и успех соответствующих советских культурных и политических начинаний [49, с. 76].

Нехватка педагогических кадров вынуждала Москву приглашать преподавателей для ассирийской школы из Армавира, где было ассирийское отделение педтехникума [43, с. 32], которое насчитывало 30 чел. обучающихся [50, с. 86]. Специальной сети педтехникумов у ассирийцев, как и у таких мелких народностей, как вепсы, ижорцы, цыгане, таты, чехи и др., не было [51, с. 100]. Создание определенных культурных институтов напрямую зависело от численности этнической группы на территории СССР. Другим примером «калибровки» культурной политики является кинематография. В 1930 г. был написан сценарий к фильму про родовые пережитки ассирийцев «Большой закон» [52]. Для сравнения фильма о курдах начали снимать уже с 1926 г.

Школьное дело занимало центральное место в работе горсоветов в области культурного строительства. Почти все горсоветы со значительным количеством населения нацменьшинств

достигли полного охвата национальными школами I ступени или группами для национальных меньшинств при интернациональных школах детей школьного возраста [43, с. 27]. Так, в 1928 г. в Москве были организованы четыре школы I ступени для ассирийских детей [42, с. 334], а к 1936 г. упоминается только два ассирийских класса с 29 учениками [53, с. 38]. Это было связано со свертыванием политики положительной дискриминации по отношению к малочисленным общинам даже крупных этнических групп.

Общее для курдов и ассирийцев многовековое историческое и культурное пространство приобрело новое прочтение в контексте курдско-ассирийских связей после Первой мировой войны и революции 1917 г., когда оба этноса оказались в фокусе национально-культурного строительства и экспорта революции, продолжавшихся до репрессий 1930-х гг. В Ленинграде для работы с национальными меньшинствами был открыт ряд учреждений и городских объектов¹.

В 1928 г. был организован Дом просвещения народов Востока (ДПНВ). Работа в нем велась на 18 языках и были организованы национальные секции, в числе которых присутствовала ассирийская [59]. С ней тесно взаимодействовало ленинградское областное отделение «Хаядта» [10, с. 117; 60, л. 13].

Ассирийские студенты обучались на рабфаках при крупных учебных заведениях страны, например в Ленинградском институте философии, лингвистики и истории (ЛИФЛИ) или на курсах нацменьшинств Советского Востока (КНСВ). Подобная политика велась по отношению к многим этническим группам из состава населения приграничных районов, например курдов, уйгуров, дунган и др., принадлежащих к национальностям, не имеющим своего государственного устройства [61, л. 22].

На курсах каждый год обучалось порядка 10–14 ассирийцев, уступая в численности только курдам (20–26 чел.) и уйгурам (14–26 чел.) [62, л. 42; 61, л. 97–98, 144; 63, л. 2, 2 об.]. Такое диспропорциональное внимание к ассирийцам связано, вероятно, как с вышеупомянутой относительной легкостью работы

¹ В 1933 г. велась работа по переустройству сада бывшего дворца Шереметевых (набережная реки Фонтанки, 34) в сад национальностей Востока – парк культуры и отдыха для представителей национальностей Востока, живущих и работающих в Ленинграде [54–56]. В саду проводились различные мероприятия и концерты и известно, что он просуществовал до июля 1936 г. [57–58].

с ними, так и с надеждами на мобилизацию зарубежных ассирийцев, прежде всего в странах Ближнего Востока, для целей «мировой революции» или продвижения советской политики в регионе.

Обострение в 1930-х гг. внутривосточной борьбы между И. В. Сталиным и его оппонентами, в том числе в Коминтерне, закончилось победой концепции «строительства социализма в одной стране» и привело к репрессиям в отношении представителей многих ближневосточных народов в СССР в силу исчезновения необходимости в работе с ними ради революционизации Востока. Т. Мартин считал, что репрессии не были направлены против не имеющих государственное образование диаспор без гражданства, таких как евреи, ассирийцы и цыгане [18, р. 336, 340].

Тем не менее годы Большого террора затронули ассирийцев, особенно иностранных подданных [10, с. 124]. Одновременно стало окончательно понятно, что ассирийцы не смогут сыграть серьезной роли в поддержке советской политики на Ближнем Востоке, поскольку ассирийские общины региона не только не смогли восстановиться после Первой мировой войны, но и пострадали от своего сотрудничества с британской администрацией во время войны и после ее окончания, что закончилось репрессиями и физическим уничтожением многих ассирийцев в Ираке в 1930-е гг.

Как следствие всех этих изменений, активная политика СССР в отношении ассирийцев завершилась и впоследствии она сводилась к поддержанию отношений советских ассирийцев с зарубежными соотечественниками. Схожие тенденции имели место и в культурной области. Обе волны репрессий в 1930–1940-х и в 1949–1950 гг. [22; 64] привели к тому, что с конца 1930-х до 1960-х гг. ассирийской проблематикой практически не занимались¹, за исключением публикаций по фольклору и этнографии [65], и в рамках курдских исследований, которые позволяли проследить общую геополитическую ситуацию в Курдистане [27], в том числе эпизодического интереса к курдскому восстанию Барзани в Ираке, в котором приняли участие некоторые ассирийцы, т. е. относительно

¹ Зая И. Ю. Ассирийцы России: демографические и этнокультурные характеристики: (вторая четверть XIX – конец XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: спец. 07.00.07 / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1997. С. 8.

общих перспектив коммунистической пропаганды на Ближнем и Среднем Востоке [39, р. 8].

Выводы

На первый взгляд существует некая преемственность между политикой Российской империи и Советского Союза на Ближнем Востоке, которая нашла свое отражение в очевидно близких контактах с ассирийцами и некоторыми другими народами. Но в качестве и особенностях этих связей имели место серьезные различия. Анализ изменений в отношении правящих кругов России и СССР к христианскому ассирийскому населению Ближнего Востока в течение 80 лет с первых переселенцев до революции 1917 г. позволяет сделать вывод, что ближневосточная политика царского правительства и сделанная им ставка на христианские меньшинства Османской империи была связана с гораздо менее масштабной поддержкой культурного строительства самих ассирийцев, нежели советская политика, основанная на идеях экспорта революции в течение 20 лет.

Если политика Российской империи в отношении различных этнических групп была тесно связана с их религиозной и конфессиональной принадлежностью, то для Советского Союза в первые десятилетия его существования был характерен двойственный подход, который сочетал следование идеологии мировой революции с прагматическим курсом, принимавшим во внимание величину, политические, экономические, социальные и культурные особенности этих групп, которые должны были воспринимать революционную идеологию посредством инструментов национального культурного строительства.

Несмотря на общую политику «позитивной дискриминации» ранее угнетенных этнических групп и программу революционизации зарубежных стран с опорой на угнетенные народы, советская политика в случае ассирийцев оказалась ограниченной по своим масштабам и так и не смогла в полной мере воспользоваться наработками дореволюционного времени. Несмотря на тесные связи ассирийцев с Российской империей и изначальные симпатии ассирийцев к Советской России соответствующие политические и культурные проек-

ты советской власти, адресованные ассирийцам, были минимальными по размаху и быстро сошли на нет.

Показательным является быстро произошедший сдвиг акцентов соответствующей советской политики в регионе на проживавших по соседству с ассирийцами и гораздо более многочисленных курдов, что выражается и в соответствующей политике в отношении ассирийцев и курдов, проживавших внутри СССР. Прагматический компонент советской политики не оставил места для масштабных ассирийских проектов так же, как конфессиональный компонент политики Российской империи не оставлял места для масштабного взаимодействия с курдами.

Список литературы

1. Истребитель колючек. Сказки, легенды и притчи современных ассирийцев / сост., пер. с асир. и европ. яз. К.П. Матвеева; отв. ред М.С. Лазарев. М.: Наука, 1974. 381 с.
2. Закавказье. Статистико-экономический сборник. Издание Высшего экономического совета ЗСФСР. 1925.
3. Бадреев, Рабинков. Трудящиеся ассирийцы в стране Советов // Революция и национальности. – 1933. – № 10 (44). – С. 64–65.
4. Церетели К. Г. Современный ассирийский язык. М.: Наука, 1964. 104 с.
5. Матвеев К. П. Ассирийцы и ассирийская проблема в новое и новейшее время. М.: Наука, 1979. 192 с.
6. Саргизов Л. М. Ассирийцы стран Ближнего и Среднего Востока. Первая четверть 20 века. Ереван: Айастан, 1979. 152 с.
7. Матвеев А. К., Матвеев П. К. История и этнография ассирийцев / Материалы к серии “Народы Советского Союза”. Вып. 1. Ассирийцы. Институт этнологии и этнической антропологии АН СССР. М., 1990. 257 с.
8. Игумен Стефан (Садо). Российская православная миссия в Урмии (1898–1918) // Христианское чтение. – 1996. – № 13. – С. 73–112.
9. Акопян В. З. Советская политика "натурализации" ассирийцев путем их землеустройства на Юге России в 1920–1930-е гг. // Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории. – 2016. – № 8. – С. 114–128.
10. Лаво Р. С. Этнонациональная музыкальная культура ассирийской диаспоры России // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. – 2016. – № 10. – С. 166–171.
11. Михайлов С. С. Ассирийцы в исторической памяти жителей городов Центральной России // История повседневности. – 2018. – №1 (6). – С. 140–155.
12. Фарис В. Г. Ассирийские отряды русской армии (1916–1918). М.: Археодоксия, 2019. 142 с.
13. Aprim F. A. Assyrians; from Bedr Khan to Saddam Hussein; driving into extinction the last Aramaic speakers. Xlibris, 2006. 406 p.
14. Baumer Ch. The Church of the East. An Illustrated History of Assyrian Christianity. I.B. Tauris, 2016. 352 p.
15. Chaillot Ch. The Assyrian Church of the East: History and Geography. Peter Lang Ltd, International Academic Publishers, 2021. 196 p.
16. Donabed S. G. Reforging a Forgotten History: Iraq and the Assyrians in the Twentieth Century. Edinburgh University Press Year, 2015. 384 p.

17. Кадио Дж. Лаборатория империи: Россия/СССР, 1890–1940. М.: НЛО, 2010.
18. Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Cornell University Press, 2001. 528 p.
19. Hirsch F. Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Cornell University Press, 2005. 392 p.
20. Мачарадзе В. Г. Грузинские документы из истории грузино-курдско-ассирийско-русских взаимоотношений (60–70-е гг. XVIII в.). Тбилиси, Сабчота Сакартвело, 1989. 73 с.
21. Layard A. H. Nineveh and its Remains: with an account of a visit to the Chaldaean Christians of Kurdistan, and the Yezids, or Devil-Worshippers; and an enquiry into the manners and arts of the ancient Assyrians. 2 vols. London: John Murray, 1849.
22. Вартанов И. Ассирийцы в Сибири: Воспоминания. М.: Текст: Дружба народов, 2001. 176 с.
23. Шкловский В. Сентиментальное путешествие. Москва-Берлин, 1923. 393 с.
24. Emhardt W.C., Lamsa G.M. The oldest Christian people. a brief account of the history and traditions of the Assyrian people and the fateful history of the Nestorian Church, 1926.
25. Венюков М. И. Россия и Восток. Собрание географических и политических статей. – СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1877. 297 с.
26. Лазарев М. С. Курдский вопрос (1891–1917). М.: Наука, 1972. 472 с.
27. Лазарев М. С. Курдистан и курдский вопрос (1923–1945). М.: Вост. лит. РАН, 2005. 308 с.
28. Михайловский В. Я. Нынешние несториане, их учение и богослужение. Харьков: Универ. тип. ценз., 1865.
29. Овсяный Н. Р. Современная Турция: Историко-этнографические очерки. СПб.: Тип. и хромолит. Траншеля, 1877. 158 с.
30. Kardam A. Cizre-Bohtan Beyi Bedirhan. Direniş ve isyan yılları. İstanbul, Dİpnot Yayınları, 2011. 422 s.
31. Путья Е. В. Записка о малой Азии // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXVI. – СПб., 1896. – С. 1–154.
32. Восторгов И. И. Русская православная миссия в Урмии в 1900 г. // Полное собрание сочинений протоиерея И. И. Восторгова. Т. IV. Статьи по вопросам миссионерским, педагогическим и публицистическим. 1887–1912 г. – М., 1916.
33. Филипов Т. И. Несколько слов о несторианах // Русский вестник. – 1862. – Т. 40 (июль-август). – С. 798–820.
34. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1574. Оп. 2. Д. 282.
35. РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 156.
36. Присоединение сиро-халдейских несториан к православной церкви // Нива. – 1898. – № 15. – С. 297–298.
37. Rockwell W. W. The Pitiful Plight of the Assyrian Christians in Persia and Kurdistan. American Committee for Armenian and Syrian Relief. New York, 1916. 76 p.
38. Джексон Д. X. Послевоенный мир. Основные политические события от Версальского мира по 1934 г. М.: Соцэкгиз, 1937. 247 с.
39. Вся Москва. Настольный справочник. М.: Универ. изд-во, 1922.
40. Вся Москва. М., 1923.
41. Григорьянц К. Кому почистить? // Пионер. – 1927. – № 9. – С. 17.
42. Вся Москва. –: Изд-во Моск. коммунальн. хоз-ва, 1928.
43. Абрамов С. Национальная работа советов в городах / под ред. Н. Челяпова. М.: Власть Советов, 1935.
44. Общедоступный путеводитель по Москве. М.: Москрекламсправиздат, 1929.
45. Центральный Государственный Архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) Ф. 7179. Оп. 31. Д. 63.
46. Поливанов Е. Из хроники современных национальных график СССР // Революционный Восток. – 1928. – № 4–5. – С. 302–306.
47. Алфавит Октября. Итоги введения нового алфавита среди народов РСФСР. Сборник статей / Под общ. ред. Н. Нурмакова. М., Л.: Власть Советов, 1934. 165 с.
48. Библиография советской курдской книги (1921–1960). Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1962. 122 с.

49. Потапов С. Об издании национальных учебников // Революция и национальности. – 1937. – № 5 (87). – С. 76–80.
50. Бит-Юхан С. Среди советских ассирийцев // Революция и национальности. – 1935. – №2 (60). – С. 85–87.
51. Карнеев И. А. Национальные культурные кадры // Революция и национальности. – 1933. – №8–9 (42–43). – С. 98–107.
52. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 257. Оп. 16. Д. 139.
53. Материалы к отчету о работе Советского районного совета РК и КД города Москвы. Октябрь 1936. – М.: 16 тип. треста "Полиграфкнига", 1936. 66 с.
54. Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт Петербурга (ЦГАКФФД СПб). Фотодокумент Бр 12689.
55. ЦГАКФФД СПб. Фотодокумент Бр 12690.
56. ЦГАКФФД СПб. Фотодокумент Бр 12691.
57. ЦГАКФФД СПб. Фотодокумент Ар 42863.
58. ЦГАКФФД СПб. Фотодокумент Ар 42864.
59. Смирнова Т. М. Аккультурация нового городского населения в ленинградском Доме народов Востока (1928–1937) // Клио. – 2014. – № 3(87). – С. 93–98.
60. ЦГАЛИ СПб. Ф. 288. Оп. 6. Д. 19.
61. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 1005.
62. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 991.
63. ЦГА СПб. Ф. 4363. Оп. 1. Д. 1053.
64. Мартиролог ассирийцев СССР. 1920–1950-е годы / авт.-сост. игумен Стефан (Садо). СПб, НП-Принт, 2017. 742 с.
65. Матвеев К. П. Современные ассирийцы – кто они? // Наука и жизнь. 1969. – № 12. – С. 112–115.

From support of Christians to the world revolution: the Assyrian question in the politics of Russian Empire and USSR

Angelika O. Pobedonostseva-Kaya

The paper contains an analysis of changes in the policy of Russia/USSR towards the Christian Assyrian population of the Middle East before and after the First World War. The Middle Eastern policy of the tsarist government and its attention to the Christian minorities of the Ottoman Empire was associated with a much smaller support for the sociocultural development of the Assyrians themselves than the Soviet policy based on the ideas of exporting the revolution. At the same time, support for the cultural development of the Assyrians in the USSR, including relevant studies, were closely associated with anti-religious propaganda. The political repressions of the 1930s, which also affected the Assyrians, ended the period of intensive study of many peoples of the USSR and heavily influenced processes of their cultural development. The purpose of this work is to investigate through the case of the Assyrians the transition from the religious model of state interaction with ethnic groups that existed in the Russian Empire, to an increasingly

pragmatic affirmative action model adopted in the USSR in the 1920s-1930s. These models are considered against the background of the main events of the Assyrian history of the 19th – 20th centuries. This study is using archival sources, memoirs, travelogues, as well as monographs on the issue.

Key words: Assyrians, Kurds, missionaries, Ottoman Empire, Persia, Russian Empire, Soviet Union, national and cultural construction, repressions.

For citation: Pobedonostseva-Kaya, A. O. (2022). Ot podderzhki hristian k mirovoj revolyucii: assirijskij vopros v politike Rossijskoj imperii i SSSR [From support of Christians to the world revolution: the Assyrian question in the politics of Russian Empire and USSR]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 4. Pp. 99–117. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2022_4_99

References

1. *Istrebitel' kolyuchek. Skazki, legendy i pritchi sovremennykh assiriytsev* [Thorn destroyer. Tales, legends and parables of modern Assyrians], Moscow: Nauka, 1974. (In Russ.)
2. *Zakavkaz'ye. Statistiko-ekonomicheskiy sbornik* [Transcaucasia. Statistical and economic collection]. Publishing House of the Supreme Economic Council of the ZSFSR. 1925. (In Russ.)
3. Badreev, Rabinkov. *Trudyashchiyeya assiriytzy v strane Sovetov* [Assyrians Toilers in the Land of Soviets] // *Revolyutsiya i natsional'nosti* [Revolution and Nationalities]. 1933. № 10 (44). Pp. 64–65. (In Russ.)
4. Tsereteli K. G. *Sovremennyy assiriyskiy yazyk* [Modern Assyrian]. Moscow: Nauka, 1964. (In Russ.)
5. Matveev K. P. *Assiriytzy i assiriyskaya problema v novoye i noveysheye vremya* [Assyrians and the Assyrian problem in modern times]. Moscow, Nauka, 1979. (In Russ.)
6. Sargizov L. M. *Assiriytzy stran Blizhnego i Srednego Vostoka. Pervaya chetvert' 20 veka*. [Assyrians of the Near and Middle East. First quarter of the 20th century]. Yerevan: Hayastan, 1979. (In Russ.)
7. Matveev A. K., Matveev P. K. *Istoriya i etnografiya assiriytsev* [History and ethnography of the Assyrians]. Institute of Ethnology and Ethnic Anthropology of the Academy of Sciences of the USSR. Moscow, 1990. (In Russ.)
8. Hegumen Stefan (Sado). *Rossiyskaya pravoslavnaya missiya v Urmii (1898–1918)* [Russian Orthodox Mission in Urmia (1898–1918)] // *Khristianskoye chteniye* [Christian Reading]. 1996. № 13. Pp. 73–112. (In Russ.)
9. Akopyan V. Z. *Sovetskaya politika "naturalizatsii" assiriytsev putem ikh zemleustroystva na Yuge Rossii v 1920-1930-ye gg.* [Soviet "naturalisation" policy towards the Assyrians through their settling on lands in the South of Russia in the 1920s - 1930s.] // *Problemy rossiyskoy tsivilizatsii i metodiki prepodavaniya istorii* [Problems of Russian civilisation and history teaching methods]. 2016. № 8. Pp. 114–128. (In Russ.)
10. Lavo R. S. *Etnonatsional'naya muzikal'naya kul'tura assiriyskoy diaspory Rossii* [Ethno-national musical culture of the Assyrian diaspora in Russia] // *Vestnik Instituta yazyka, literatury i iskusstva im. G.Tsadasy* [Bulletin of the G.Tsadasy Institute of Language, Literature and Art]. 2016. № 10. Pp. 166–171. (In Russ.)
11. Mikhaylov S. S. *Assiriytzy v istoricheskoy pamyati zhiteley gorodov Tsentral'noy Rossii* [Assyrians in the historical memory of the inhabitants of the cities in Central Russia] // *Istoriya povsednevnosti* [Everyday History]. 2018. №1 (6), Pp. 140–155. (In Russ.)
12. Faris V. G. *Assiriyskiye otryady russkoy armii (1916–1918)* [Assyrian units of the Russian army (1916–1918)]. M.: Arkheodoksiya, 2019. (In Russ.)
13. Aprim F. A. *Assyrians; from Bedr Khan to Saddam Hussein; driving into extinction the last Aramaic speakers*. Xlibris, 2006.
14. Baumer Ch. *The Church of the East. An Illustrated History of Assyrian Christianity*. I.B. Tauris, 2016.
15. Chaillot Ch. *The Assyrian Church of the East: History and Geography*. Peter Lang Ltd, International Academic Publishers, 2021.
16. Donabed S. G. *Reforging a Forgotten History: Iraq and the Assyrians in the Twentieth Century*. Edinburgh University Press Year, 2015.
17. Cadiot J. *Le laboratoire impérial: Russie-URSS, 1870–1940*. Moscow: NLO, 2010. (In Russ.)
18. Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Cornell University Press, 2001.
19. Hirsch F. *Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Cornell University Press, 2005.
20. Macharadze V. G. *Gruzinskiye dokumenty iz istorii gruzino-kurdsko-assiriysko-russkikh vzaimootnoshenij (60–70-ye gg. XVIII v.)* [Georgian documents from the history of Georgian-Kurdish-Assyrian-Russian relations (1760–1770s)]. Tbilisi: Sabchota Sakartvelo, 1989. (In Russ.)
21. Layard A. H. *Nineveh and its Remains: with an account of a visit to the Chaldaean Christians of Kurdistan, and the Yezids, or Devil-Worshippers; and an enquiry into the manners and arts of the ancient Assyrians*. 2 Vols. London: John Murray, 1849.

22. Vartanov I. *Assirytsy v Sibiri: Vospominaniya* [Assyrians in Siberia: Memoirs]. Moscow, Tekst: Druzhba narodov, 2001. (In Russ.)
23. Shklovsky V. *Sentimental'noye puteshestviye* [A sentimental journey]. Moscow-Berlin, 1923. (In Russ.)
24. Emhardt W. C., Lamsa G. M. The oldest Christian people. a brief account of the history and traditions of the Assyrian people and the fateful history of the Nestorian Church, 1926.
25. Venyukov M. I. *Rossiya i Vostok. Sobraniye geograficheskikh i politicheskikh statey* [Russia and the East. The collection of geographical and political articles]. Saint-Petersburg, tip. V. Bezobrazova and Co., 1877. (In Russ.)
26. Lazarev M. S. *Kurdskiy vopros (1891–1917)* [Kurdish question (1891–1917)]. Moscow, Nauka, 1972. (In Russ.)
27. Lazarev M. S. *Kurdistan i kurdskiy vopros (1923–1945)* [Kurdistan and the Kurdish question (1923–1945)]. Moscow, Vost. lit. RAN, 2005. (In Russ.)
28. Mikhailovsky V. Ya. *Nyneshniye nestoriane, ikh ucheniye i bogosluzheniye* [The current Nestorians, their teaching and worship]. Kharkov: Univer. tip. tsenz., 1865. (In Russ.)
29. Ovsyany N. R. *Sovremennaya Turtsiya: Istoriko-etnograficheskiye ocherki* [Modern Turkey: Historical and ethnographic essays]. Saint-Petersburg, tip. i khromolit. Transhelya, 1877. (In Russ.)
30. Kardam A. Cizre-Bohtan Beyi Bedirhan Direniş ve isyan yılları. İstanbul, DİPnot Yayınları, 2011. (In Turk.)
31. Putyata E. V. *Zapiska o maloy Azii* [Note on Asia Minor] // *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii* [Collection of geographical, topographical and statistical materials on Asia]. Vol. LXVI. Saint-Petersburg, 1896. (In Russ.)
32. Vostorgov I. I. *Russkaya pravoslavnaya missiya v Urmii v 1900 g.* [Russian Orthodox Mission in Urmia in 1900] // *Polnoye sobraniye sochineniy protoiyereya I.I.Vostorgova* [Complete Works of Archpriest I.I. Vostorgov] Volume IV. Moscow, 1916. (In Russ.)
33. Filipov T. I. *Neskol'ko slov o nestorianakh* [A few words about the Nestorians] // *Russkiy vestnik* [Russian Bulletin]. 1862. Vol.40 (July-August). Pp. 798–820. (In Russ.)
34. *Rossiiskiy gosudarstvennyy istoricheskij arhiv* [Russian state historical archive]. F. 1574. Op. 2. D. 282.
35. *Rossiiskiy gosudarstvennyy istoricheskij arhiv* [Russian state historical archive]. F. 1579. Op. 1. D. 156.
36. *Prisoyedineniye siro-khaldayskikh nestorian k pravoslavnoy tserkvi* [Accession of the Syro-Chaldean Nestorians to the Orthodox Church] // *Niva*. 1898. № 15. Pp. 297–298. (In Russ.)
37. Rockwell W. W. *The Pitiful Plight of the Assyrianchristians in Persia and Kurdistan*. American Committee for Armenian and Syrian Relief. New York, 1916.
38. Jackson J.H. *The Post-War World: A Short Political History 1918-1934*. Moscow: Sotsekgiz, 1937. (In Russ.)
39. *Vsya Moskva* [All Moscow]. Moscow, 1922. (In Russ.)
40. *Vsya Moskva* [All Moscow]. Moscow, 1923. (In Russ.)
41. Gregoryants K. *Komu pochistit?* [Whose shoes to clean?] // *Pioner* [Pioneer]. 1927. № 9. P. 17.
42. *Vsya Moskva* [All Moscow]. Moscow, 1928. (In Russ.)
43. Abramov S. *Natsional'naya rabota sovetov v gorodakh* [Work of city Soviets with nationalities]. Moscow: Vlast' Sovetov, 1935. (In Russ.)
44. *Obshchedostupnyy putevoditel' po Moskve* [Moscow public guide]. Moscow, 1929. (In Russ.)
45. *Tsentral'nyy Gosudarstvennyy Arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg]. F. 7179. Op. 31. D. 63.
46. Polivanov E. *Iz khroniki sovremennykh natsional'nykh grafik SSSR* [From the chronicle of modern national graphic systems in the USSR] // *Revolyutsionnyy Vostok* [Revolutionary East]. 1928. № 4-5. Pp. 302–306. (In Russ.)
47. *Alfavit Oktyabrya. Itogi vvedeniya novogo alfavita sredi narodov RSFSR* [The Alphabet of October. The results of the introduction of a new alphabet among the peoples of the RSFSR]. Moscow, Leningrad: Vlast Sovetov, 1934. (In Russ.)
48. *Bibliografiya sovetsoy kurdsoy knigi (1921–1960)* [Bibliography of the Soviet Kurdish book (1921–1960)]. Yerevan, Izd-vo AN Arm. SSR, 1962. (In Russ.)
49. Potapov S. *Ob izdanii natsional'nykh uchebnikov* [About the publication of national textbooks] // *Revolutsiya i natsional'nosti* [Revolution and Nationalities]. 1937. №5 (87). Pp. 76–80. (In Russ.)
50. Bit-Yuhan S. *Sredi sovetkikh assiryitsev* [Among the Soviet Assyrians] // *Revolutsiya i natsional'nosti* [Revolution and Nationalities]. 1935. №2 (60). Pp. 85–87. (In Russ.)
51. Karneev I. A. *Natsional'nyye kul'turnyye kadry* [National cultural cadres] // *Revolutsiya i natsional'nosti* [Revolution and Nationalities]. 1933. № 8–9 (42–43). Pp. 98–107. (In Russ.)
52. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg]. F. 257. Op. 16. D. 139.
53. *Materialy k otchetu o rabote Sovetskogo rayonnogo soveta rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeiskikh deputatov goroda Moskvy* [Materials for the report on the work of the Soviet District Council of Workers, Peasants and Red Army Deputies of the City of Moscow]. October 1936. Moscow: 16 tip. tresta "Poligrafkniga", 1936. (In Russ.)
54. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv kinofotofonodokumentov Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Cinema and Photo Documents of St. Petersburg]. Br 12689.
55. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv kinofotofonodokumentov Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Cinema and Photo Documents of St. Petersburg]. Br 12690.
56. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv kinofotofonodokumentov Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Cinema and Photo Documents of St. Petersburg]. Br 12691.
57. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv kinofotofonodokumentov Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Cinema and Photo Documents of St. Petersburg]. Ar 42863.

58. *Tsentral'nyj gosudarstvennyj arkhiv kinofotofonodokumentov Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Cinema and Photo Documents of St. Petersburg]. Ar 42864.

59. Smirnova T.M. *Akkul'turatsiya novogo gorodskogo naseleniya v leningradskom Dome narodov Vostoka (1928–1937)* [Acculturation of the new urban population in the Leningrad House of the Peoples of the East (1928–1937)] // *Clio*. 2014. № 3 (87). Pp. 93–98. (In Russ.)

60. *Tsentral'nyj gosudarstvennyj arkhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg]. F. 288. Op. 6. D. 19.

61. *Tsentral'nyj Gosudarstvennyj Arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg]. F. 4363. Оп. 1. Д. 1005.

62. *Tsentral'nyj Gosudarstvennyj Arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg]. F. 4363. Оп. 1. Д. 991.

63. *Tsentral'nyj Gosudarstvennyj Arkhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg]. F. 4363. Оп. 1. Д. 1053.

64. *Martirolog assiryitsev SSSR. 1920–1950-ye gody* [Martyrology of the Assyrians of the USSR. 1920–1950s] / Compiled by hegumen Stefan (Sado). Saint-Petersburg, NP-Print, 2017. (In Russ.)

65. Matveev K.P. *Sovremennyye assirytsy – kto oni?* [Modern Assyrians – who are they?] // *Nauka i zhizn'* [Science and life], 1969. №. 12. Pp. 112–115. (In Russ.)

*Статья поступила в редакцию 17.08.2022;
Одобрена после рецензирования 23.09.2022;
Принята к публикации 15.10.2022.*